

Вэнь Ле озвучил свои сомнения Седовласой ведьме. Та — а скорее уж «тот» — тяжело вздохнула:

— Тогда у моего лучшего друга угнали аккаунт. Он и сканы паспорта в техподдержку слал, и пороги обивал, но всё без толку. А ведь это был Манго восемьдесят четвертого уровня! Постепенно обида утихла, и всё как-то забросилось. Кто же знал, что этот перерыв затянется на целый год!

Кража аккаунтов — истинное зло, вызывающее лишь лютую ненависть. Как и сторонний софт, это всегда оставляет паршивый осадок.

Раздался системный звук: Седовласая ведьма добавила Кровавую Тень Персикового Цвета в список друзей.

К тому моменту Сюзин вовсю кромсал Призрачных быков, потрясающих мир. Эти монстры ложились с четырех ударов и бродили целыми стадами — если не агрить слишком много и вовремя лечиться, фарм шел как по маслу. В моменты душевного раздвоя устроить кровавую баню — лучший отдых, и яд выводит, и нервы успокаивает.

Однако Седовласая ведьма, охваченная меланхолией, пустилась в воспоминания:

— Год не заходил, и вот результат: в списке друзей — никого, в клане — шаром покати. Столько воды утекло... Словно в другой мир попал.

Вэнь Ле невольно задумался: каково это — бродить в полном одиночестве среди пустых списков, убивать монстров и копать руду, когда некому даже слово замолвить?

Горный ветер колыхал длинные волосы Ведьмы, играл полами её одеяний. В облике персонажа сквозило глубокое одиночество.

— Помню, как мы были еще десятиуровневыми нубами, — продолжал собеседник. — Бегали к водопаду поболтать, с восьми вечера до восьми утра... Вместе качались под Городом Мечей. А когда расширяли склад и не хватало Росы ста трав, мы били монстров в Зеркальном озере, пока не выбили штук пятьдесят...

«Неужели мужчина может быть настолько чувствительным? — подумал Вэнь Ле. — Тот, второй, о ком он говорит... наверняка тоже был парнем». Его шестое чувство подсказывало, что Седовласая ведьма — «свой», такой же, как он сам.

В реальности прошел месяц, а в сети — целая вечность. Год отсутствия в игре ощущался как двенадцать лет в жизни. Люди приходят и уходят, всё меняется, и через двенадцать лет мир становится совсем иным.

Вэнь Ле огляделся. В этот компьютерный клуб он часто заглядывал вместе с Наньгун Хуэем. Хуэй плохо переносил жару, поэтому обычно выбирал места в третьем или четвертом ряду — прямо под кондиционером и потолочным вентилятором. Приходя сюда, Вэнь Ле первым делом проверял, свободны ли те кресла. Здесь они когда-то сидели плечом к плечу, смотря на одном экране шоу «Канси пришел». В третьей кабинке они не раз брали «ночной пакет»: один рубился в «Совершенный мир», другой смотрел мыльные оперы. А у стойки администратора они неизменно покупали две бутылки: одну с чаем, другую — с энергетиком.

«Память толкает меня в спину, я лишь сторонний наблюдатель, не в силах вмешаться. Могу лишь беспомощно смотреть, как по твоим щекам текут слезы».

Вэнь Ле сам не понял, почему вспомнил строчки из этой старой песни. Перед глазами пронеслись образы последних двух месяцев: как он был счастлив, как без оглядки отдавал всего себя, как суетился, мучился сомнениями и как в итоге всё разбилось вдребезги. Стало невыносимо горько, и слезы одна за другой закатали на клавиатуру.

Он не испытывал ненависти к Наньгун Хуэю. В конце концов, именно Хуэй дал ему почувствовать, что значит любить и жертвовать собой. С ним он впервые попробовал «играть в семью», строить общий быт. Хуэй привел его в «Совершенный мир», открыв дверь в новую вселенную. Благодаря ему Вэнь Ле стал увереннее, научился отстаивать свое мнение. Даже сегодняшний утренний срыв и резкие вопросы — для Вэнь Ле, который всегда был послушным мальчиком, избегающим конфликтов и старающимся всем угодить, это стало огромным шагом вперед.

Без боли нет роста. Как камень точит клинок, так и трудности закаляют человека. Иногда, чтобы повзрослеть, достаточно одной ночи.

В игре Седовласая ведьма уже покинула Хребет Облачных Снов, телепортировавшись в Город Драконов по квесту на камни. Вэнь Ле тоже вышел из системы и покинул клуб. Сил не было — хотя физически он не перетруился, эмоциональное истощение выжало его досуха.

Ноги сами привели его к привычному салону массажа стоп. Он позвал знакомого мастера под шестым номером. Тот радушно улыбнулся:

— Сегодня один? А где твой друг?

Вэнь Ле выдавил подобие улыбки:

— Мы сегодня не вместе.

— Понятно. А то он заглядывает почаще тебя. Ты-то совсем пропал. Что будем делать сегодня?

— Просто массаж стоп.

— Хорошо, сейчас принесу воду. Кстати, твой высокий приятель обычно берет полный комплекс. Мог бы тоже попробовать: стопы, педикюр, общий массаж, банки... Если брать по отдельности — выйдет сотня, а комплексом — всего восемьдесят. С твоей скидкой по карте вообще копейки, очень выгодно!

— Не стоит, — отрезал Вэнь Ле. — Обойдемся только ногами.

Внутри всё закипело. «Значит, Хуэй здесь частый гость? Наслаждается жизнью на чужие деньги, шикует... Семьдесят юаней за раз? Ну и богачей же ты, Наньгун Хуэй».

Когда мастер принес горячую воду, Вэнь Ле как бы невзначай спросил:

— И часто он заходит?

— Да в последнее время почти через день! Говорит, в клубах ночует, здоровье ни к черту, простужается постоянно.

«Раз в два-три дня...»

У Вэнь Ле даже на злость не осталось сил. Наньгун Хуэй никогда не ел дома, летом не делал и шага без такси, умудрялся просаживать пятьдесят юаней на телефоне за неделю, а теперь выясняется, что он еще и на массажи бегал через день. Не имея работы, просиживая штаны в интернете... Столько деталей было прямо перед носом, а он в упор их не видел.

Едва выйдя из салона, Вэнь Ле набрал номер Лэй-лэя и выложил всё, что узнал:

— Приходи уже в себя! Ты там из кожи вон лезешь, долги ради него берешь, а он тут деньги направо и налево швыряет. Он тебе ничего не вернет, это же очевидно!

Лэй-лэй упрямо ответил:

— Он обещал найти работу. Как устроится — начнет отдавать частями.

Вэнь Ле даже ругаться не стал. Просто молча повесил трубку. Бесплезно. Мошенничество Хуэя не было гениальным — просто Лэй-лэй сам отчаянно хотел верить в эту ложь. Видимо, правда была настолько невыносимой, что ему проще было обманывать самого себя.

Спустя три дня позвонил Наньгун Хуэй. Сказал, что нашел жилье и шестого августа съедет.

— Послушай, — замялся Хуэй в трубке, — тебе матрас и белье еще нужны? Можно я их заберу?

— Нет, — отрезал Вэнь Ле, чувствуя укол мстительного удовлетворения. — Ко мне сразу после твоего отъезда заселяется друг, на чем ему спать прикажешь?

В душе он усмехался: «Ты же сам ныл, что матрас дешевенький, а белье уродливое? Вот и купи себе новое. Ты же говорил, что при переезде старье не берешь. Кстати, пасту и гель для душа тоже оставь, у меня как раз закончились».

В первую же неделю совместной жизни Хуэй ничего из этого не купил, даже туалетную бумагу «одалживал» у Сяо Жаня. Вэнь Ле тогда стало стыдно, и он всё купил сам: и пасту «Darlie», и гель «Adidas» — вещи отнюдь не копеечные.

На том конце провода воцарилось молчание. Вэнь Ле торжествовал.

Он тут же сообщил новость Сяо Жаню, и тот заметно расслабился. Доложил и Лэй-лэю, не скрывая тревоги:

— Раз он съезжает, найти его потом будет почти невозможно. Как ты собрался вытрясать долг?

— Я сам разберусь, — ответил Лэй-лэй. — Не волнуйся, мы на связи, всё под контролем.

Вэнь Ле оставалось только гадать, чем это кончится.

Шестого августа Вэнь Ле пригласил Сяо Жаня на прощальный ужин, но тот предупредил, что приведет друга. При встрече Вэнь Ле невольно вздрогнул: спутником оказался некто Сяо Ли — настоящий здоровяк, по виду чистый телохранитель. Сяо Ли тоже был «из своих», они с Жанем дружили лет пять, жили по соседству еще до отъезда Жаня в Юньнань. Услышав о переезде друга, Сяо Ли давно напрашивался в гости, но из-за работы всё откладывалось.

После ужина компания поднялась в квартиру поиграть в карты. Сяо Жань шепнул на лестнице:

— Сегодня твой бывший съезжает, так что мы тут не просто в карты режемся, а, считай, караулим.

«Караулим?» — Вэнь Ле чуть не рассмеялся. Хуэй, конечно, лжец и пройдоха, но до воровства вроде бы еще не опускался.

В квартире Наньгун Хуэй лихорадочно паковал вещи. Вэнь Ле для проформы спросил:

— Помощь нужна?

Разумеется, последовал отказ. Тогда троица устроилась в гостиной под вентилятором и с

азартом принялась «душить подлеца» — играть в «Ду Тизьху». Сяо Ли оказался отличным рассказчиком: травил байки об олимпийской сборной, рассуждал о предстоящем открытии Игр, пересказывал сплетни о местных знаменитостях. В комнате то и дело взрывался хохот.

Чем веселее им было, тем мрачнее становился Хуэй. Вэнь Ле нарочно смеялся громче обычного, хотя в глубине души скребли кошки. В прошлый раз они играли вчетвером, вместе с Хуэем. А теперь они втроем наслаждаются вечером, пока того выставляют за дверь. Да еще этот внушительный Сяо Ли, который действительно выглядел как вышибала, приставленный следить за порядком. Что сейчас чувствует Хуэй?

Заметив его сомнения, Сяо Жань легонько толкнул друга локтем и едва слышно прошептал:

— Сам виноват.

Вэнь Ле вспомнил свои бессонные ночи, вспомнил бедолагу Лэй-лэя и заставил свое сердце ожесточиться. Веселье продолжилось.

Наконец Хуэй высунулся из комнаты:

— Вэнь Ле, поможешь подсобить?

— Сейчас, партию доиграем, — с дежурной улыбкой отозвался тот. Улыбаться было так натянуто, что сводило скулы.

Закончив игру под шутки и смех, Вэнь Ле неспешно зашел в комнату. Вещей у Хуэя было немного: картонная коробка, чемодан, рюкзак да дорожная сумка. Сумку он решил оставить и забрать позже, остальное планировал увезти за один раз.

Когда они вытащили пожитки к дверям, Жань и Сяо Ли предложили помощь, но Хуэй отказался. Во-первых, ноша была не такой уж тяжелой, а во-вторых, Вэнь Ле чувствовал: Хуэй хочет что-то сказать напоследок.

До самых ворот ЖК они шли в полном молчании. Вэнь Ле мучительно подбирал слова, но Хуэй, увидев свободное такси у обочины, тут же начал грузить вещи. Протянув ключи от квартиры, он коротко бросил:

— Спасибо тебе.

— Не за что, — ответил Вэнь Ле.

Хуэй нырнул на переднее сиденье, и машина, взревев мотором, скрылась вдаль.

И это всё? Должно было наступить облегчение — ведь жизнь с Хуэем для него и Жаня была сродни жизни на пороховой бочке. Но то, как жалко и понуро он уехал, заставило Вэнь Ле почувствовать себя паршиво. Все его попытки задеть или уколоть Хуэя теперь казались мелкими и неуместными.

Он медленно брел обратно. Вот магазинчик, где он покупал Хуэю сигареты. Вот лавка с острым супом, куда они бежали перекусить на ночь. Вот дерево, под которым он фотографировал Хуэя для его липового портфолио... Общий дом перестал существовать. И кроме той сумки с барахлом, Хуэю здесь больше нечего было забирать. Он вряд ли когда-нибудь вернется.

<http://bllate.org/book/18179/1787914>